

Как-то ночью лежа у неё на груди, визирь таинственно предупредил, что их ждут испытания, чтоб она была сильной и никого не боялась, положились во всем на него. Гроном среди ясного неба явилась тяжелая скоротечная болезнь раджи. Ничего нельзя было сделать, молодой государь умирал. Джия преданно ухаживала за ним, он угас за несколько дней. Куда-то исчезла его певичка, он звал её в беспомощности. Джии толком не удалось поговорить с полужнакомым ей мужем, который за несколько лет так и не пожелал сделать её своим другом. Сочувственно глядя на неё перед смертью, он слабо произнес: — Мне жаль тебя. Ты такая же его пленница, как и я. Может, тебе повезет больше... Джия была безутешна: умерла мечта и надежда её юности. Она с трудом представляла себе свое будущее.

Визирь все организовал безупречно: были приведен в боевую готовность войска и гвардия, проведены госсвет и переговоры с вассалами, достигнуты договоренности со знатью. На совете была оглашена последняя воля махараджи: правительница — рани, регент при ней и дочери — Аяз-сардар, визирь, по окончании траура рани выберет себе мужа-соправителя из придворных или принца сопредельного государства.

Сардар на время оградил несчастную девушку от излишнего внимания и общения, дал ей смириться с потерей. Затем постепенно начал привлекать её к управлению страной. Конечно, настоящие решения принимал он сам, единолично, почти не прислушиваясь к мнению Джии, но хвалил её рассудительность и здравомыслие. Рани училась у него править государством, принимала послов, изучала и подписывала документы и, к своей радости, находила полную поддержку у своего начальника гвардии, Эхсана, поощрявшего её деятельность, обладавшего умом и решительностью.

Боль от утраты ещё не прошла, как ей пришлось вновь принимать ночами любовника, словившего её горестное сопротивление и ставшего теперь полновластным единоличным хозяином её спальни. Сошлись они только в одном: оба выиграли, что между ними нет третьего.

Подходил к окончанию срок траура. Любовники сидели в излюбленной сардаром ванной, его орган неподвижно находился в ней, только что испытавшей яркий экстаз. Она устало лежала на его груди, он поглаживал её торчащие соски на уменьшившейся груди: Джия давно не кормила дочь. Мужчина предупредил, что начал приготовление к свадьбе, шутливо посетовал, что скоро она растолстеет и её грудь опять уместится у него в ладони. Тревожным от дурных предчувствий голосом рани произнесла, что не обязана сразу после окончания траура выходить замуж, она не видит кандидатов в мужья. Он захохотал, заметив, что у неё чудесное чувство юмора и что он желает, чтоб его будущая жена почаще веселила его.

Убежденно произнес, что госсвет решает вопрос о месте его коронации и что противников в правительстве у него нет. Нагнув её вперед, недолго толкался в вагине потрясенной девушки. Выдернув вздутый пенис, повернул её к себе и вонзил его в её рот; крупные слезы текли по щекам Джии и смешивались с вытекающей изо рта спермой.

Плачущая, она вернулась в покои и, рыдая, жаловалась засыпавшей её вопросами Пии. Кое-как проведя день и занимаясь делами, Джия подавила желание поделиться бедой с Эхсаном, бросавшим на неё тревожные взгляды. Сын визиря, наверняка в курсе планов отца и одобряет их, он ей не помощник. Ночью рани села на кровать и ожидала любовника. Он

вошел и начал раздеваться, Джия заговорила. Долгий разговор ни к чему не привел: визирь был неумолим. Она ничего не могла предложить ему в обмен на власть, к которой он стремился долгие годы. В отчаянии девушка пообещала покончить с собой; сардар пригрозил, что её дочь и брат могут внезапно заболеть неизлечимой скоротечной болезнью. Как тогда Джия будет умирать, зная, что убила их?

Рани закричала и бросилась на ненавистного ей мужчину с кулаками, и тут случилось то, чего никто из них не ожидал. Вбежал Эхсан с оружием и оттащил девушку от отца, по его приказу вошедшая стража арестовала бывшего всесильного фактического правителя княжества. На окрики визиря стража не среагировала, подчиняясь приказам начальника гвардии. Молодой человек успокоил ничего не понявшую Джию, уложил её, накрыл одеялом и ушел за солдатами. Вскоре состоялся суд: Аяз-сардара обвинили во многих преступлениях, в том числе в узурпации власти. Его сослали в отдаленное поместье вместе с семьей.

Перед отъездом в ссылку в тюрьме он долго говорил с сыном, рани не стала спрашивать о чём. Она стояла на балконе, когда осужденного, все потерявшего вельможу в окружении охраны увозили. Она вспомнила точно такой же балкон, отряд всадников, выезжающий за ворота, и себя, желавшую умереть от горя. Как давно все это... Она выдержала его тяжелый, ненавидящий взгляд, в нем больше не было похоти, было другое... Она смотрела вслед процессии, пока та не скрылась, а под балконом как и тогда стоял Эхсан и наблюдал за ней. Теперь она могла рассчитывать только на себя, и ничто не мешало ей принять дружбу своего начальника охраны; их взаимная симпатия крепла. Впервые за годы жизни в княжестве у Джии появился друг и союзник, на которого она могла положиться и который ничего не требовал взамен. Молодая женщина с все возрастающим интересом наблюдала за своим главным телохранителем, и ей было приятно видеть его встречную заинтересованность. Как-то вечером, гуляя с Пией и дочкой по коридорам дворца, рани встретила рабочих, которые заканчивали отделять стены в нескольких покоях. За работами наблюдал Эхсан. На вопрос Джии, почему чинят отдельные стены, а не все сразу, тот с заминкой ответил, что заделывают щели. Рани печально улыбнулась. Щель в стене!... Молодой человек уверил её, что здесь больше никто ни за кем никогда не будет следить. Джия подумала, улыбнулась, тряхнула волосами и весело спросила: — А вы, Эхсан, никогда не захотите наблюдать за мной?! Он замер, за её спиной засмеялась верная Пия и потянула из комнаты малышку. Он бросился к рани и сжал её в объятиях.

При пламени свечей, держа друг друга в тесных объятиях, сидят Джия и Эхсан в её спальне. У него за спиной — подушки, она приникла к его груди, плотным кольцом мышц вагины сжимая его твердое достоинство. От длинной череды любовных схваток они оба устали. Молодые люди глядят в глаза друг другу и говорят. Их слова льются во время близости, в промежутках между; речам нет конца, и ещё многое не досказано. Джия — первая в его жизни женщина, в которой он видит равного себе партнера; Эхсан — первый в её жизни мужчина, которого интересуют её жизнь и её мнение. Их безумно влечет друг к другу, и они понимают, что уже давно. Они рассказывают друг другу свои истории, которые самым невероятным образом переплетаются.

Эхсан пересказывает ей последний разговор с отцом, состоявшийся в тюрьме. Тот насмешливо сообщил, что он — первый мужчина рани, сын возражал, что он станет её единственным. Отец рассказывал, что дарил рани неопишное наслаждение в постели, сын обещал подарить ей счастье. Сардар хвалился, что он — отец её первого ребенка, сын

пообещал, что рани станет матерью его сыновей. Эхсан упрекнул отца, что тот может отнимать жизни, а он подарит Джии семью. У девушки текут слезы счастья впервые за долгие годы. — Откуда ты узнал про наше будущее, когда предсказал мне его? — Я верил в это с тех пор, как увидел тебя! Слившись в поцелуе, влюбленные одновременно стонут и бьются в сладострастных судорогах. Лежа лицом к лицу, сплетя руки, они утомленно улыбаются друг другу; каждый про себя прикидывает, есть ли у него ещё силы... Они смеются над этими милыми непристойностями, и каждый вспоминает, как мало он смеялся последние годы... — Что ты ещё хочешь про меня знать? — Ничего!... Я знаю главное!..